

Доктор Сун сказал, что личности пациентов с диссоциативным расстройством идентичности (DID) кажутся независимыми, но на самом деле они похожи на дольки апельсина, которые были разорваны на части. Жадность, гнев, глупость, ненависть, любовь, желание — все эти человеческие черты, которые обычно соединены вместе, были разбиты и увеличены, формируя кажущиеся разрозненными души.

А убить второстепенную личность — это всего лишь собрать эти осколки души обратно воедино.

Поэтому Цзинь Шуань в глубине души немного надеялся попробовать блюдо, приготовленное Хань Дуном. К сожалению, Хань Чжоу не дал ему такого шанса.

— Сам наложи себе побольше риса, блюдо немного солёное, — Хань Чжоу нёс две тарелки с едой, приглашая его к столу.

Цзинь Шуань отложил документы, поднял голову и увидел, что тот закатал рукава, на нём был маленький синий фартук, весь в брызгах масла. Он действительно выглядел как настоящий «Маленький повар из Китая».

Но это была лишь иллюзия.

— Говядина с перцем! — Хань Чжоу положил в его тарелку кусочек чего-то чёрного и липкого, с ожиданием в глазах. — Я слышал от брата, что перед готовкой нужно обвалить мясо в крахмале. У меня не очень красиво получилось, но на вкус оно нежное!

— Твой брат готовит, а ты смотришь? — Цзинь Шуань держал палочки над тарелкой, не приступая к еде и не глядя на Хань Чжоу.

— Да, иногда он зовёт меня поболтать с ним, — Хань Чжоу упёрся локтями в стол, сложив руки и подперев подбородок, с улыбкой сказал. — Честно говоря, все говорят, что у меня идеальная фигура, только ты и мой брат считаете меня худым и постоянно заставляете есть.

— Разве твой брат не такого же телосложения, как ты? — Цзинь Шуань вспомнил Хань Дуна, которого видел в тот день. Он действительно выглядел так же, как Хань Чжоу, но, возможно, из-за характера казался старше.

— Да, — Хань Чжоу скривился. — Кто знает, что он думает. Он всегда говорит, что если не откормит меня, то к Новому году даже стыдно будет меня в кислую капусту положить.

Цзинь Шуань вздрогнул, услышав слово «положить». Хань Дун, даже не осознавая, что он всего лишь раздвоенная личность, всё же готовился к захвату контроля, как и говорил доктор Сун. Это было инстинктивно.

Хань Чжоу, видя его молчание, постучал по столу, указывая взглядом на его тарелку:

— О чём думаешь? Ешь быстрее, пока не остыло.

Цзинь Шуань промолчал и молча съел кусочек говядины, который ему положил Хань Чжоу.

Говядина действительно была нежной, но вкус... скажем так, съедобным.

— Как? — Хань Чжоу нервно потёр ладони.

Цзинь Шуань посмотрел на него. Хотя стоило бы похвалить человека, который впервые

готовит, но он боялся, что Хань Чжоу увлечётся и начнёт готовить каждый день. Поэтому он просто кивнул:

— Немного солоновато.

— Неплохо, да? — Хань Чжоу хлопнул в ладоши. Отсутствие отрицания было косвенным одобрением!

Он был доволен собой и пододвинул к Цзинь Шуаню ещё одну тарелку с чем-то, напоминающим кашу:

— Попробуй ещё это, тушёные баклажаны!

Цзинь Шуань с трудом взял палочки, не желая страдать в одиночестве, и спросил:

— Может, ты тоже поешь?

— Нет, я хочу посмотреть, как ты ешь! — Хань Чжоу с энтузиазмом клал ему еду, наблюдая, как тот съедает всё до последнего кусочка, и только тогда, довольный, снял фартук, отряхнулся от запаха гари и пошёл в ванную.

Цзинь Шуань был погружён в свои мысли. Под шум воды он не мог сосредоточиться на документах. Он отложил папку в сторону, достал из шкафа маленькую нефритовую шкатулку и открыл её. Внутри лежал небольшой, не слишком красивый камень — это был подарок Хань Чжоу, символ их любви.

Вспоминая, как Хань Чжоу ушёл из ресторана, Цзинь Шуань почувствовал, будто у него выбили почву из-под ног, и он упал с горы в глубокую пропасть. К счастью, Хань Чжоу вернулся, с розами и луной, осветив его пропасть ярким светом.

Эти воспоминания были свежи в его памяти. Цзинь Шуань бережно хранил эту луну, время от времени доставая её, чтобы насладиться воспоминаниями. И постепенно он начал замечать нечто необычное.

Сам камень был ничем примечательным, но шкатулка, в которой он лежал, явно имела историческую ценность — это, похоже, был антиквариат.

По словам Хань Чжоу, эта шкатулка была подарена его бабушкой матери, вероятно, как часть приданого. Но судя по мастерству и материалам, она явно не была изделием народного промысла. Кем же были его бабушка или дедушка?

Если бы удалось установить хотя бы одного родственника Хань Чжоу, можно было бы примерно определить, в какую эпоху он жил. Только сузив круг, можно было бы постепенно выяснить, какие травмы он перенёс.

Эта мысль не давала ему покоя, и он сразу же связался с известным учёным, чтобы провести экспертизу шкатулки. Однако надпись на дне шкатулки была стёрта, и для её расшифровки потребовалось бы восстановление, а затем поиск в исторических источниках.

Он ожидал, что это займёт много времени, но сегодня днём, выйдя из кабинета психолога, он получил звонок от учёного.

Результаты экспертизы шкатулки были готовы. Согласно выводам, это действительно был

предмет из императорского дворца, хотя и прошёл через множество рук, но изначально был подарен императором.

Это была нефритовая резьба, подаренная императору Сяньфэну, а в 1884 году, в десятый год правления Гуансюя, императрица Цыси вместе с другими предметами искусства подарила её двадцатилетнему придворному художнику.

— Как звали художника? — Цзинь Шуань сжал кулаки, в его глазах читалось напряжение.

Учёный поправил очки:

— Тан Гуй.

Цзинь Шуань слегка нахмурился, чувствуя, как в его сердце надувается пузырь, который становился всё более раздражающим.

Кем был Тан Гуй для Хань Чжоу? Были ли они связаны или это просто совпадение?

Цзинь Шуань с нетерпением ждал, пока учёный продолжил:

— Тан Гуй жил в непростое время, но три поколения его семьи были придворными художниками. Он с детства бывал во дворце, а к 1884 году уже стал учителем принцев и принцесс.

— Но, как вы, возможно, знаете, в конце правления Канси во дворце стали популярны западные художники, такие как Джузеппе Кастильоне, и их слава затмила традиционных художников, поэтому о Тан Гуйе и других известно мало.

— А что случилось потом? — спросил Цзинь Шуань.

Учёный покачал головой, с сожалением в голосе:

— После провала реформ 1898 года Тан Гуй покинул Запретный город. В то время было очень беспокойно, и никто не обращал внимания на уход художника. И с тех пор о нём больше ничего не известно.

Цзинь Шуань потёр пальцы, пытаясь найти связь в этих датах.

1884 год — Тан Гуй было 20 лет, а в 1898 году, во время реформ, ему было 34.

Через мгновение он снова спросил:

— Так, Тан Гуй... он был женат? Как звали его жену? Есть ли записи о его детях?

— Конечно, у него была жена! — учёный вернул ему шкатулку, снял очки и улыбнулся. — Согласно документам, у него был сын и дочь от жены по фамилии Фан.

— Фан... — пузырь в сердце Цзинь Шуаня лопнул.

Хань Чжоу говорил, что его мать была Ли, а Тан Гуй, вероятно, не имел к нему никакого отношения. Шкатулка, скорее всего, просто попала к ним через несколько поколений.

Цзинь Шуань был погружён в свои мысли, когда вдруг почувствовал, как кто-то обнял его.

— Нравится? — Хань Чжоу вышел из ванной и, увидев, что Цзинь Шуань держит в руках подаренную шкатулку, почувствовал теплоту в сердце. Он тихо подошёл и обнял его.

— Нравится, — Цзинь Шуань отложил шкатулку в сторону и обнял Хань Чжоу в ответ.

Летний полдень был ярким, на Хань Чжоу было только полотенце, его мускулистое тело было слегка влажным, и капли воды на его коже блестели на солнце.

Хань Чжоу поднял его подбородок и мягко поцеловал в губы.

— Ты весь день был задумчивым. Что за работа так озадачила нашего великого архитектора?

— Хань Чжоу... — Цзинь Шуань отвел взгляд, немного помолчал, а затем снова посмотрел на него. — Мы вместе уже не так мало времени, и я думаю... мне стоит познакомиться с твоими родителями.

Хань Чжоу рассмеялся.

— Вот из-за чего ты переживал? И ещё говорил о работе, ну ты даёшь!

Он сел рядом с Цзинь Шуанем, взял его руку в свои и сказал:

— Я тоже думал об этом. Мы уже полгода вместе, и дальше откладывать встречу не стоит.

Он улыбнулся.

— Честно говоря, я тоже немного нервничаю.

Цзинь Шуань повернулся к Хань Чжоу, их глаза встретились. Глаза Хань Чжоу на солнце были особенно яркими и чистыми, в них не было ни тени сомнения или уклончивости. Этот человек был искренним и честным.

<http://bllate.org/book/15564/1415616>